VISIT…

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

891.79
P997pn
1898a

A 877,783

OPB

PODDIELKI RUKOPISEI I NARODNYKH PIESEN

A. N. Pypin

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES
Digitized by Google

Digitized by Google

X'1'1'107 0P8'185

Digitized by Google

Digitized by Google

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1963

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

CXXVII.

Pypin, Aleksandr Nikolaevich.

А. Н. Пыпинъ

ПОДДѢЛКИ

РУКОПИСЕЙ И НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

1898

Digitized by Google

891.79
T997pn
1898a

Digitized by Google

61-338529

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ.*

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 23.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія замѣтки составляли первоначально докладъ, читанный въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности, 12 февраля 1897. Для печати я нѣсколько расширилъ эти замѣтки, тѣмъ болѣе, что благодаря любезному содѣйствію Общества имѣлъ возможность воспользоваться рукописью Румянцовскаго Музея, принадлежавшей нѣкогда Сулакадзеву и заключающей другія его записи. Полнаго обзора поддѣльныхъ рукописей и произведеній народной словесности я не имѣлъ въ виду, и хотѣлъ только обратить вниманіе на вопросъ и указать нѣкоторые факты.

Я совсѣмъ не коснулся также другой стороны предмета, которая заслуживаетъ вниманія и до сихъ поръ отмѣчалась только случайно,—именно, поддѣлокъ *стараго времени*. Таковы были напр. подложныя грамоты (какъ изданныя Андреемъ Поповымъ, „Изборникъ". стр. 448—458; „Обзоръ Хроногр." II, стр. 201, 227—229), сомнительныя житія (напр. Анны, чудотворицы Кашинской; Ключевскій, Житія, стр. 340—341: Костомаровъ, Монографія, т. XII), подложные статейные списки (вымышленные статейные списки посольствъ А. Ищеина и З. И. Сугорскаго, изданные въ Памят-

Digitized by Google

никахъ Древней Письменности подъ № XLI, 1883); подложное соборное дѣяніе „на арменина еретика Мартина“ (сомнѣнія Карамзина; нѣсколько уклончивое сужденіе у Руднева, „О ересяхъ и расколахъ“, стр. 66—67, и примѣч., стр. 21; Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., II, стр. 400—402, и др.; молчаніе новѣйшихъ писателей о расколѣ), и пр.

Мартъ, 1898.

А. П.

Digitized by Google

I. Поддѣльныя рукописи Сулакадзева.

Въ послѣдніе годы жизни, 1811—1816, Державинъ писалъ свое „Разсужденіе о лирической поэзіи или объ одѣ". Упомянувъ о томъ, какъ въ средніе вѣка Европа покрылась сугубымъ мракомъ невѣжества, гдѣ только проблескивали слабыя искры словесности, онъ говоритъ: „Стихотворство тогда, безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ назвать, было суровое сотканіе словъ силлабическою просодіею, которое при вторженіи Готовъ *рунным* называлось", и затѣмъ продолжаетъ: „Если справедливо недавнее открытіе одного славено-руннаго стихотворнаго свитка I вѣка и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія новогородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ". Онъ приводитъ затѣмъ снимокъ съ этого „славено-руннаго свитка", его чтеніе и наконецъ переводъ. Не приводя чтенія этого гимна I-го вѣка, съ обращеніемъ къ Бояну,—довольно безсмысленнаго,—напомнимъ лишь переводъ, повидимому, принадлежавшій самому Державину:

„Не умолчи, Боянъ, снова воспой;
О комъ пѣлъ, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать:

Digitized by Google

Славы Славяновъ не умалить.
Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память Злогора Волхвы поглотили.
Одину вспоминаніе, Скиѳу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посыплемъ".

Кромѣ того, Державинъ приводитъ „Изреченія или отвѣты новогородскихъ жрецовъ", въ четырехъ строкахъ такими же „рунами", съ чтеніемъ и слѣдующимъ переводомъ:

„По злобѣ свара
Сильному смерть:
Тяжба съ богатствомъ
Худъ передѣлъ".

Онъ замѣчаетъ объ этихъ свиткахъ, что „подлинники на пергаменѣ находятся въ числѣ собраній древностей у г-на Селакадзева" [1]).

Евгеній Болховитиновъ (тогда епископъ, впослѣдствіи митрополитъ), съ которымъ Державинъ дѣятельно переписывался по поводу своего разсужденія, замѣчалъ ему объ этихъ древностяхъ: „*Славено-рунный свитокъ и провѣщанія Новогородскихъ жрецовъ* лучше снести на конецъ въ *обозрѣніе Русскихъ Лириковъ*. Весьма желательно, чтобы вы напечатали сполна весь сей гимнъ и всѣ провѣщанія жрецовъ. Это для насъ любопытнѣе китайской поэзіи. Г. Селакадзевъ или не скоро, или совсѣмъ не рѣшится издать ихъ, ибо ему много будетъ противорѣчниковъ. А вы какъ сторонній и какъ бы мимоходомъ познакомите насъ съ сею диковинкою, хотя древность ея и очень сомнительна. Особливо не надобно вамъ увѣрять своихъ читателей о принадлежности ея къ I-му или V-му вѣку".

Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ Болховитиновъ говоритъ о былинахъ Кирши Данилова: „*Древнія Русскія стихотворенія*,

---

[1]) Сочиненія Державина, изданіе Грота, т. VII, стр. 585—587. Въ приводимыхъ здѣсь и далѣе упоминаніяхъ имя это пишется различно: Селакацій, Селакадзевъ, Салакадзевъ, Суллакадзи. Мы имѣли въ рукахъ подлинную его подпись, гдѣ онъ пишетъ свое имя: Сулакадзевъ.

Digitized by Google

изданныя г. Ключаревымъ съ изустныхъ преданій, представляютъ намъ смѣсь древнихъ происшествій и обычаевъ съ новѣйшими, и всѣ почти состоятъ изъ повторенія одинакихъ картинъ, въ которыхъ при всемъ томъ замѣтны порывы Сѣверной *скандинавской* лирической поэзіи" [1]).

Въ 1813 году Державинъ писалъ свое стихотвореніе въ родѣ баллады: „Новогородскій волхвъ Злогоръ", гдѣ имя Злогора взято, очевидно, изъ упомянутаго выше „славено-руннаго свитка" и гдѣ, воспользовавшись также мѣстными новгородскими преданіями, онъ видимо желалъ воспроизвести стиль славяно-русской древности, образчикъ котораго данъ былъ въ этомъ свиткѣ.

Откуда же взялся этотъ свитокъ, находившійся у Сулакадзева?

Одно изъ первыхъ упоминаній объ этомъ свиткѣ, если не первое, находится въ письмѣ Евгенія Болховитинова изъ Вологды къ проф. Городчанинову въ Казань, въ январѣ 1811 года: „Сообщаю вамъ при семъ петербургскую литературную новость. Тамошніе палеофилы, или древностелюбцы, отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ *пѣсни полку Игореву*, и еще *оракулы* древнихъ новгородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаментѣ древними славенорунническими буквами, задолго якобы до христіанства. Если это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ". Въ 1812 г. этотъ Бояновъ гимнъ былъ сообщенъ Евгеніемъ черезъ князя П. А. Вяземскаго, находившагося тогда въ Вологдѣ, Карамзину, жившему тогда, по выѣздѣ изъ Москвы, въ Нижнемъ. „Пожалуйста",— писалъ Карамзинъ Вяземскому,—„спросите (Евгенія) и меня увѣдомьте, кто имѣетъ оригиналъ, на пергаментѣ писанный, какъ сказано? Гдѣ это найдено, и давно ли извѣстно? Кто переводилъ?" И въ другомъ письмѣ, отъ 14-го ноября, Карам-

[1]) Тамъ же, т. VII, стр. 615—617.

Digitized by Google

зинъ пишетъ опять: „Скажите... отъ меня ласковое слово епископу Евгенію; я искренно уважаю его, и буду ему благодаренъ, когда онъ пришлетъ мнѣ вѣрную копію съ гимна Бояна, дѣйствительнаго или мнимаго“ [1]).

Въ письмѣ Державина къ Капнисту отъ іюня 1816 года опять идетъ рѣчь о томъ же гимнѣ. Живя въ своемъ помѣстьѣ Званкѣ, Державинъ доканчивалъ свое „Разсужденіе о лирической поэзіи“, но не находилъ въ своихъ бумагахъ „окончанія пѣсни Бояновой *Одену*, которая написана руническими буквами“, и поручалъ Капнисту разыскать ее: „....но ежели той Бояновой пѣсни не найдешь, то найди въ Семеновскомъ полку отставного офицера Александра Ивановича Села(ка)ціева, котораго, я думаю, знаетъ, гдѣ живетъ, швейцаръ, и скажи ему отъ меня, что я его прошу убѣдительно еще ссудить меня спискомъ съ той пѣсни и съ отвѣтовъ новогородскихъ жрецовъ, ибо та пѣснь у меня между бумагами моими завалилась, что не могу найти; а отвѣтовъ новогородскихъ жрецовъ, хотя и обѣщалъ мнѣ списать, но еще отъ него ихъ не получалъ, и мнѣ всѣ эти рѣдкости хочется внесть въ мое разсужденіе для любопытства охотниковъ, но не подъ моимъ именемъ, а подъ его, какъ и въ книжкахъ „Бесѣды“ напечатано“ [2]).

Позднѣе, Евгеній Болховитиновъ упомянулъ объ этихъ рунахъ въ жизнеописаніи св. Меѳодія. Сказавъ о томъ, какъ „нѣкоторые изъ западныхъ“ хотѣли предвосхитить у Кирилла и Меѳодія первенство въ изобрѣтеніи славянской азбуки, для чего „была вымышлена“ особая, глаголическая, азбука, приписанная Іерониму, западному отцу IV вѣка,—онъ говоритъ дальше:

---

[1]) Сочиненія Державина, т. III, стр. 134—137; Русскій Архивъ, 1866, стр. 231, 234. Г. Бартеневъ замѣчаетъ (и это повторено Гротомъ), что Бояновъ гимнъ есть „извѣстный археологическій подлогъ купца Бардина, торговавшаго старинными рукописями“, — но имя Бардина, кажется, поставлено здѣсь произвольно.

[2]) Соч. Державина, т. VI, стр. 339.

Digitized by Google

„Нѣкоторые и у насъ хвалились такъ же находкою якобы древнихъ Славено-Русскихъ Руническихъ письменъ разнаго рода, коими написанъ Бояновъ Гимнъ и нѣсколько провѣщаній Новогородскихъ языческихъ Жрецовъ, будто бы пятаго вѣка. Руны сіи очень похожи на испорченныя Славенскія буквы, и потому нѣкоторые заключали, якобы Славяне еще до христіанства издревле имѣли кѣмъ-нибудь составленную особую свою Рунную Азбуку, и что Константинъ и Меѳодій уже изъ Рунъ сихъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ буквъ изъ Греческой и иныхъ Азбукъ составили нашу Славенскую, такъ, какъ Епископъ Улфила въ IV вѣкѣ для Готовъ, жившихъ въ Мизіи и Ѳракіи, составилъ особую Готическую Азбуку изъ Сѣверныхъ Рунныхъ, Греческихъ и Латинскихъ буквъ. Такими Славено-Русскими Рунами напечатана первая Строфа мнимаго Боянова Гимна, и одинъ Оракулъ жреца въ 6-й книжкѣ. *Чтенія въ Бесѣдѣ любителей Русскаго Слова* въ С.-Петербургѣ 1812 г. Но и сіе открытіе никого не увѣрило“ [1]).

Въ біографіи Державина разсказывается о посѣщеніи имъ и его друзьями Сулакадзева для осмотра собранія рѣдкостей (т.-е. книжныхъ), въ 1810 году, хотя Оленинъ запѣрялъ Державина объ ихъ подложности [2]). Такимъ образомъ уже съ этихъ поръ Сулакадзевъ имѣлъ репутацію поддѣльщика рукописей, и эта репутація была потомъ очень извѣстна нашимъ археографамъ, хотя, повидимому, кромѣ поддѣлокъ, у него было значительное собраніе старыхъ рукописей, и еще въ 1823 году канцлеръ Румянцовъ поручалъ Востокову осмотрѣть рукописи Сулакадзева. Затѣмъ гораздо позднѣе, въ 1850 г., шла еще рѣчь объ его издѣліяхъ: въ этомъ году игуменъ Валаамскаго монастыря Дамаскинъ обращался къ Востокову съ вопросами о матеріалахъ для исторіи монастыря

[1]) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви. Изд. 2-е. Спб. 1827, II, стр. 58—59. Въ „Бесѣдѣ“ печаталось именно „Разсужденіе о лирической поэзіи“, Державина

[2]) Сочиненія Державина, т. VIII, стр. 903—904.

Digitized by Google

и между прочимъ упоминалъ, что „титулярный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Сулакадзевъ", трудившійся много лѣтъ надъ исторіей Валаама, въ рукописи, хранящейся въ тамошнемъ монастырѣ, приводитъ изъ какой-то древней рукописи загадочную выписку,—игуменъ Дамаскинъ скопировалъ эту выписку въ своемъ письмѣ, и Востоковъ отвѣчалъ: „Что касается до приведенной вами въ письмѣ вашемъ выписки изъ сочиненія Сулакадзева, то она не заслуживаетъ никакого вѣроятія: покойный Сулакадзевъ, котораго я зналъ лично, имѣлъ страсть собирать древнія рукописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ портить ихъ своими приписками и поддѣлками, чтобы придать имъ бо́льшую древность; и эта, такъ названная имъ „оповѣдь", есть такого же роду собственное его сочиненіе, исполненное небывалыхъ словъ, непонятныхъ словосокращеній, безсмыслицы, чтобъ казалось древнѣе" [1]).

Наконецъ мы встрѣчаемъ имя Сулакадзева въ перепискѣ Строева съ Устряловымъ, въ 1832 году. Послѣдній готовился тогда къ изданію сочиненій князя Курбскаго; онъ уже намѣтилъ главныя рукописи; Строевъ, съ своей стороны, обѣщалъ доставить ему „почти современный прекрасный списокъ всѣхъ сочиненій Курбскаго". Устряловъ былъ очень обрадованъ этимъ обѣщаніемъ, но высказывалъ Строеву свои опасенія: „Боюсь только, не разумѣете ли вы списокъ покойнаго Суллакадзія: тутъ ничего не возьмешь. Я былъ у вдовы его съ К. М. Бороздинымъ и предлагалъ ей значительную сумму — но не успѣлъ уговорить; хочетъ, чтобы купили всѣ ея книги и при томъ за 25 т. р. Однимъ словомъ, сладить съ ней нѣтъ надежды". Строевъ отвѣчалъ на это: „...Напрасно вы хлопо-

[1]) Переписка А. Х. Востокова (Сборникъ русск. отдѣленія Академіи, т. V, вып. II, Спб. 1868), стр. 49, 390—392; ср. также стр. 412, примѣчаніе Срезневскаго: „Сулакадзевъ, упоминаемый въ письмѣ Востокова къ графу Румянцову, издавна собиралъ рукописи, которыя еще и недавно были въ распродажѣ у ветошниковъ, и, какъ оказалось, многое поддѣлывалъ и въ нихъ, и отдѣльно. Въ поддѣлкахъ онъ употреблялъ неправильный языкъ по незнанію правильнаго, иногда очень дикій".

Digitized by Google

чете слишкомъ около г-жи Сулакадзи. Еще при жизни покойника я разсматривалъ книжныя его сокровища, кои графъ Толстой намѣревался тогда купить. Не припомню тамъ списка Курбскаго, но поддѣлки и приправки, впрочемъ весьма неискусныя, на большей части рукописей и теперь еще мнѣ памятны. Тогда не трудно было морочить" [1]).

Сулакадзевъ былъ наиболѣе извѣстный изъ поддѣльщиковъ древнихъ рукописей. Гимнъ, приведенный Державинымъ, и древній текстъ, приведенный у игумена Дамаскина, достаточно показываютъ явную и крайне неумѣлую поддѣлку.

Чѣмъ же руководился поддѣльщикъ и съ какой цѣлью производилъ онъ свои издѣлія? Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, были ли у него только промышленныя соображенія или была та страсть къ фальсификаціи, которая — не въ одномъ этомъ примѣрѣ — дѣйствовала сама по себѣ какъ потребность фантазій. Относительно упомянутыхъ поддѣлокъ Сулакадзевъ, очевидно, руководился тѣми представленіями о славяно-русской древности, какія господствовали въ его время. Если Державинъ въ своемъ „Разсужденіи о лирической поэзіи" говорилъ, напримѣръ, что „гимны содержали въ себѣ часть религіи и нравоученія; они пѣвались при Богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы, до изобрѣтенія письменъ, славныя дѣла потомству" и проч., то это были тѣ представленія о древней поэзіи, какія вообще были тогда распространены, и съ такими же представленіями Сулакадзевъ сочинялъ свой Бояновъ гимнъ. Тѣ же общія представленія обнаруживаются у Державина, когда онъ помѣщаетъ въ Новгородѣ скальдовъ, признаетъ въ древней Руси руны, или у Евгенія Болховитинова, когда онъ въ былинахъ Кирши Данилова замѣчаетъ „порывы сѣверной скандинавской лирической поэзіи", — и такимъ же образомъ Сулакадзевъ помѣщаетъ въ своемъ гимнѣ Одина.

---

[1]) „Жизнь и труды Строева", Н. Барсукова. Спб. 1878, стр. 237—239

Digitized by Google

Кромѣ этого представленія о древнихъ скальдахъ, жрецахъ, рунахъ и т. п., Сулакадзевъ, очевидно, заимствовалъ свои пріемы изъ Слова о полку Игоревѣ, — но затѣмъ его фальсификаціи имѣли и еще болѣе широкіе матеріалы и планы.

Давнымъ давно, въ пятидесятыхъ или шестидесятыхъ годахъ, мною пріобрѣтена была оригинальная рукопись. Писанная на грубой синеватой бумагѣ старымъ почеркомъ, она относится, судя по разнымъ упоминаніямъ, къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія и составляетъ тетрадь въ четвертку, въ 24 листка. По содержанію, а потомъ и по почерку я убѣдился, что она принадлежитъ именно Сулакадзеву. Рукопись начата съ обоихъ концовъ: съ одной стороны идетъ списокъ русскихъ рукописей и книгъ, или сочиненій, относящихся до Россіи,—на чемъ мы дальше остановимся; съ другой стороны— другой списокъ: „книги на грузинскомъ языкѣ, письменныя и печатныя, гдѣ и когда“ и пр. (судя по фамиліи, Сулакадзевъ былъ родомъ изъ грузинъ).

Списокъ русскихъ книгъ представляетъ нѣчто необычайное, какъ можно тотчасъ увидѣть изъ самаго заглавія каталога. Это заглавіе слѣдующее:

„Книгорекъ, то-есть, каталогъ Древнимъ книгамъ, какъ письменнымъ, такъ и печатнымъ, изъ числа коихъ по суевѣрію многіе были прокляты на соборахъ, а инные въ копіяхъ сожжены, хотя бы оные одной исторіи касались; большая часть оныхъ писаны на пергаминѣ, инные на кожахъ, на буковыхъ доскахъ, берестяныхъ листахъ, на холстѣ толстомъ, напитаннымъ составомъ, и другихъ“.

Это была записная тетрадь, въ которую составитель каталога вносилъ различныя книжныя свѣдѣнія, особенно его интересовавшія, и гдѣ рядомъ съ дѣйствительными книгами внесены были мѣстами и книги совершенно фантастическія, составлявшія, очевидно, его собственное издѣліе. Каталогъ имѣетъ дальше нѣсколько частныхъ отдѣловъ. На оборотѣ заглавнаго листа онъ пишетъ: „1551 года книги были за-

Digitized by Google

прещены", съ помѣтой „Стоглавъ въ 4. стр. 113", и затѣмъ перечислены: Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Алманахъ, Аристотелевы врата и т. д. по Стоглаву; и здѣсь же сбоку приписка о Шестокрылѣ и замѣтка: „1519: письмо дьяку Мисюрю Мунохину, Ѳилофея старца Елизарова монастыря, во Псковѣ (въ) рукописи въ 4. № 20 или К."

Далѣе, новое заглавіе: „*Рукописи*", гдѣ главнымъ образомъ пересчитываются книги мистическія и алхимическія и подобнаго рода предметы, которые между прочимъ занимали въ то время нашихъ масоновъ. Напримѣръ: о Сивиллахъ; о Палингенезіи, XII ключей Вас. Валентина; о Камнѣ мудрыхъ Бема; вѣчные лампы; Grade du maitre....; Нигра магика; Ключъ Соломоновъ; Платоново кольцо; Сѣнь Авраама; Конь Георгіевъ; Жезлъ явленій; Вѣнецъ мудрыхъ; Камень гроба Господня; Ключъ рая и т. д. Новое заглавіе: „*Манускрипты*", гдѣ опять перечисляются различные мистическіе и алхимическіе предметы и книги, напримѣръ: „египетская магія, спагерическія науки, ключъ Раймунда Люлія", и здѣсь же: „галванизмъ; миѳологія; отъ ужаленія змѣй и бѣшеныхъ собакъ, по опытамъ; таинство розоваго креста; о духѣ въ женщинѣ; а также: Травникъ рус. стар., Удотрепетникъ, о Срачицѣ І. Х. (Іисуса Христа), Сонъ Богородицы".

Далѣе, новое заглавіе, писанное красными чернилами и вязью: „*Книги древне-учителей Словеномъ*". Это длинный списокъ отцовъ церкви и церковныхъ книгъ, большею частію одни имена, но при нѣкоторыхъ именахъ и заглавіяхъ есть отмѣтки. Напримѣръ:

— „Синадикъ или Синодикъ, на доскѣ вырѣзанной, былъ въ Новѣ городѣ въ Софійс. соб. всѣхъ посадниковъ и вклады ихъ, предревней (на полѣ отмѣтка красными чернилами: *есть*).

— Іосафъ царевичь (есть).

— Ефремъ Сиринъ (есть).

— Максимъ Грекъ (не его граматика: есть у меня, но подъ его именемъ считаемая, Мелетія Смотрицкаго).

Digitized by Google

— Даніилъ, игуменъ черниговскій, книга Странница, 1105 года.

— Гронографъ (есть на бумагѣ писанная 1606 года).

— Глубина, рукопись 16 вѣка, попа Ласки, о иконахъ и исповѣди, о духѣ и тѣлѣ.

— Бисеръ. 14 вѣка, о крещеніи, о книгахъ, свиткахъ и мужахъ, построившихъ церкви.

— Криница. 9 вѣка, Чердыня, Олеха вишерца, о переселеніяхъ старожилыхъ людей и первой вѣрѣ.

— Пчела, рукописная книга, въ оной разныя любопытства достойныя слова, притчи, исторіи и чудеса собраны.

— Стоглавъ, 1551 года, писменной (есть).

— Криница или времянныя книги, въ кои вписывали въ 1471 году о знаменіяхъ небесныхъ, о звѣздахъ и прочихъ видѣніяхъ при коемъ царѣ и лѣтѣ (Царственный Лѣтописецъ, С.-бургъ 1772, стр. 401).

— Жидовинъ, рукопись одиннадцатаго вѣка, кіевлянина Радипоя о жидахъ самарянахъ, и другихъ, кто отъ кого произошелъ", — и т. д.

Въ томъ, что мы до сихъ поръ читали, является смѣсь дѣйствительно существующаго съ выдуманнымъ. Надо предполагать, что это выдуманное въ родѣ книгъ девятаго вѣка, въ родѣ такихъ сочинителей, какъ кіевлянинъ Радипой или Олехъ вишерецъ и т. п., означали или исполненныя, или пока только задуманныя поддѣлки. Но настоящіе перлы этого рода находятся въ слѣдующемъ отдѣлѣ, который обозначенъ такъ: *„Книги непризнаваемыя, коихъ ни читать, ни держать въ домехъ не дозволено"*.

Главную основу этого отдѣла составляютъ книги, о которыхъ авторъ тетради вычиталъ въ извѣстной статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ: эту статью Сулакадзевъ зналъ изъ „Іоанна экзарха болгарскаго", Калайдовича (1824), который въ другомъ мѣстѣ упоминается въ его цитатахъ. Сначала здѣсь выписаны были одни названія ложныхъ книгъ по этой

Digitized by Google

статьѣ; но затѣмъ, видимо, позднѣе, къ этимъ заглавіямъ сдѣланы приписки. Въ то время, когда статья печаталась у Калайдовича, ложныя книги были очень мало извѣстны, иныя совсѣмъ неизвѣстны даже немногимъ тогдашнимъ спеціалистамъ,—это именно и была желанная почва для предпріимчиваго фальсификатора. Онъ *знаетъ* эти книги; онъ указываетъ ихъ содержаніе, ихъ вѣкъ, ихъ авторовъ, и при нѣкоторыхъ отмѣчаетъ, что онѣ у него *есть*.

Большая часть ложныхъ книгъ осталась безъ особыхъ отмѣтокъ, какъ были сначала выписаны; но къ нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣланы, напримѣръ, слѣдующія объясненія.

— „Патріарси. Вся вырезана на буковыхъ доскахъ числомъ 45 и довольно мѣлко: Ягипа Гана смерда въ Ладогѣ IX вѣка, о переселенцахъ варяжскихъ и жрецахъ и писменахъ, въ Моравію увезено.

— Адамъ. Заключ: житія святыхъ Новгородс. замучен. отъ идолопоклонник: холмоградскихъ XIII вѣка въ Сюзіомкахъ, сочине. деревской пятины купца Дымки.

— Енохъ. Рукопись VIII вѣка о видѣніяхъ и чудесахъ, есть съ нее и копія у расколь: волховскихъ.

— Исаино видѣніе, рукоп. 14 вѣка, Плотинскаго конца тысячьника Янкаря Оленича, множество чудесъ, видѣній древняго и новаго завѣта.

— Евангеліе отъ Ѳомы (есть въ моей библіотекѣ, и другіе).

— Дѣвство (д. б.: дѣтство) Христово, рукопись 14 вѣка, противъ жидовъ Сопки Зазвона, съ Холопей улицы въ Новограде.

— Богородицыно хоженіе по мукамъ, 10 вѣка, съ греческаго, Эпафраса.

— О Китоврасѣ (есть).

— Сонъ Богородицы, како по мукамъ ходила, отъ тряса вицы носити на себѣ, и отъ пожара въ домѣхъ хранить, и отъ грома, въкладать въ стѣны, и подъ конь на версѣ крови (есть).

Digitized by Google

— Лобъ Адамль, X вѣка, рукоп: смерда Внездилища, о холмахъ новгородскихъ, тризнахъ Злогора, Колядѣ вандаловой и окрутѣ Буривоя, и Владиміра, на кожѣ белой", и пр.

Затѣмъ упомянуты нѣсколько книгъ извѣстныхъ, какъ Рай мысленный, Великое Зерцало и пр., и далѣе, новая рубрика: *„Книги, называемыя еретическія"*, и здѣсь опять цѣлый рядъ великихъ рѣдкостей, напримѣръ:

— „Молніянникъ, 7 вѣка, Яна Окулы, о чудныхъ сновиденіяхъ и наветы о доброй жизни.

— Мѣсяцъ окружится, псковита Лиха.

— Коледникъ V вѣка дунайца Яловца, писан. въ Кіевѣ, о поклоненіяхъ Тройскимъ горамъ, о гаданіяхъ въ печерахъ и Днѣпровскихъ порогахъ русалами и кикиморами.

— Волховникъ.... рукопись VI вѣка, Колота Путисила, жившаго въ Русѣ градѣ, въ печерѣ", и далѣе еще: „Поточникъ", рукопись 8 вѣка, жреца Сонцеслава, „Путникъ" IV вѣка" и т. д.

Здѣсь же въ ряду еретическихъ книгъ записана:

— „Бояновы(а) Песнь въ стихахъ выложенная имъ, на Словеновы ходы, на казни, на дары, на грады, на волховы обаянія и страхи, на Злогора, умлы и тризны, на баргаментѣ разномъ малыми листками, сшитыми струною. Предревнее сочине. отъ 1-го вѣка, или 2-го вѣка" (на полѣ обозначено: есть).

Это и есть, очевидно, Бояновъ гимнъ, который мы видѣли у Державина, или его варіація. Въ приведенныхъ замѣткахъ фальсификатора находится также имя Злогора, который занялъ прочное мѣсто и въ собственныхъ твореніяхъ Державина на темы изъ древнихъ славяно-русскихъ временъ.... Послѣднія строки въ замѣткѣ о Бояновомъ гимнѣ, гдѣ говорится о листкахъ „баргамента", писаны по выскобленному: повидимому, прежде находились здѣсь другія подробности о способѣ написанія этого произведенія перваго или второго вѣка, а потомъ авторъ гимна придумалъ другіе признаки этой глубокой древности.

Digitized by Google

Не будемъ перечислять другихъ удивительныхъ древностей, которыя находились въ этой коллекціи, какъ: Іудино посланіе (рукопись на славянскомъ языкѣ второго вѣка, „претрудно читать“; „на шкурѣ“), Волховникъ XV вѣка, Волхвотравъ („есть“), Звѣздочетецъ XV вѣка,—и укажемъ еще послѣднюю рубрику: „*Книги отреченныя*“. Здѣсь находится:

— „О китоврасѣ, басни и кощуны“. Это взято опять изъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, но затѣмъ прибавлено красными чернилами: „на буковыхъ доскахъ вырезано и связаны кольцами желѣзными, числомъ 143 доски, 5 вѣка на славенскомъ“.

— „Авгарево посланіе, носити на себѣ спасешися“, и потомъ прибавка красными чернилами: „на папирусномъ листѣ: оригиналъ. Есть“.

Далѣе, находится: „Василія Кесарійскаго о себѣ самомъ (на кожѣ телячьей)“; „Григорія Богослова, о немъ писаніе, и о Маковеяхъ, на пергаминѣ, въ 13 вѣкѣ писана. *Есть* у меня“. О сочиненіи Іереміи попа болгарскаго замѣчено: „на пергаминѣ“, такъ что предполагается, что и эта книга была въ собраніи.

Наконецъ, у Сулакадзева находились разныя другія вещи: исторія Амана и Мардохея, еврейскій свитокъ X вѣка; Лютеровъ календарь, 1563 г., на пергаминномъ листѣ, какая-то книга съ заглавіемъ, писаннымъ рунами (все это съ отмѣтками: есть), и т. д.

Таково содержаніе этого каталога.

Мы имѣли въ рукахъ еще одну рукопись Сулакадзева. Это—рукопись Московскаго Румянцовскаго музея, № 2654, принадлежавшая передъ тѣмъ извѣстному собирателю Дурову. Какъ записано Сулакадзевымъ самимъ на одномъ изъ послѣднихъ листовъ книги, она была имъ пріобрѣтена по смерти нѣкоего Каржавина, повидимому, также любителя рукописей въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ этой рукописи, именно въ припискахъ къ ней самого Сулакадзева, находятся еще новыя

Digitized by Google

указанія если не объ его поддѣлкахъ, то объ его книжническихъ вкусахъ.

Рукопись Румянцовскаго музея заключаетъ въ себѣ слѣдующее твореніе (лл. 1—51 по старой помѣтѣ): „Выкладъ сновъ Данила пророка (unde?). Разсуждая инфлюенцію седми планетъ и 12 знаковъ небесныхъ растворенія тела человеческаго, доводы, в дѣйство произведено и опробовано. Отъ непотребныхъ врачов росказъ и бабихъ басенъ в Тарунской типографіи без свидетелства предостереженъ. Также фигурами табълицею Пифогоровою и новымъ физическимъ разговоромъ на конце положеннымъ изъявленны в Кракове типомъ издадеся 1696-го года. Преведесяже с полскаго на россійской діалектъ московской славенагреколатинской императорской академіи студентомъ Іоанномъ Грацинскимъ в Москве. 1745 году Марта 4 дня". На заглавномъ листѣ поставлено сбоку имя владѣльца: Ѳеодоръ Каржавинъ.

Въ концѣ, л. 51 на оборотѣ, запись: „Сія книга принадлежала книжнику Зотову, а мнѣ имъ отдана съ другими сонниками, чтобы здѣлать ему общій Сонникъ: но онъ умеръ не дождавшись сонника. Ѳедоръ Каржавинъ." А далѣе другая запись: „А я купилъ послѣ смерти Г. Каржавина, заплатилъ пять рублей. 1813. Сулакадзевъ. Въ моемъ собраніи болѣе двухъ тысячъ рукописей всякаго рода, окромѣ писанныхъ на баргаментахъ, есть подобные сей предрагоцѣнные и прелюбопытные".

При переплетѣ рукописи въ началѣ и въ концѣ оставлено было по нѣсколько чистыхъ листовъ, которые наполнены библіографическими замѣтками самого Сулакадзева, а кромѣ того, между ними вклеенъ конецъ статьи изъ „Вѣстника Европы", 1812, № 12, іюнь, „О календарѣ и о раздѣленіи времени". Эти замѣтки интересны между прочимъ для вкусовъ Сулакадзева: онѣ почти безъ исключенія заняты перечисленіемъ книгъ таинственныхъ, мистическихъ, гадательныхъ, запрещенныхъ, частью рукописныхъ, но особливо

Digitized by Google

печатныхъ, иногда на иностранныхъ языкахъ. Отмѣтимъ сначала: „*Книги запрещенныя*“. Это опять заглавія, взятыя изъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, иногда съ замѣтками. Напримѣръ:

„*Раэли*. Книга рукописная, гаданія по точкамъ и чертамъ и счету, о ней какъ о еретической и волхвовательной 1551 года поминается во Стоглавѣ. Гл. 41 и 44 . . . . Въ моей библіотекѣ 1824, іюля 27. Сулакадзевъ, два стоглава. Франц. Rafle, въ игрѣ зернію. Когда три кости бросишь, и на нихъ выпадетъ одинакое число очковъ“.

„*Шестокрылъ*. Книга рукописная...

„*Зодіи*. Зодіакъ, или по 12 созвѣздіямъ мѣсечнымъ (адѣ: стр. 26)“. Послѣдняя ссылка относится къ самому Соннику Данила пророка, гдѣ на этой страницѣ идетъ рѣчь о зодіакѣ.

„*Аристотелевы врата*. Книга о чудесахъ и гаданіи“.

Далѣе приписано:

„Луцидарь, о разныхъ предмѣтахъ сущихъ на небесахъ, на земли и въ водахъ въ 8^0—1498. На богемскомъ. Печат. въ Новомъ-Пилзенѣ“.

„Календарь, изд. Никол. Бакаларіемъ, на богемскомъ, въ Новомъ Пильзенѣ 1489“.

Далѣе, съ отмѣткою: „въ моей библіотекѣ“—рядъ печатныхъ календарей и гадательныхъ книгъ, астрологовъ, оракуловъ и т. д. книгъ латинскихъ и нѣмецкихъ, напримѣръ: Agrippa. De Occulta philosophia; Spiegel der sibyllen и пр.

Далѣе, „рукописи въ моей библіотекѣ“:

„*Проницающій* Зороастръ въ листъ, съ изобр. съ франц.

„*Кабалла*, Гамаллеи, въ листъ, съ фигур.

„*О 72 ангелахъ* на еврейскомъ и русск., въ листъ...

„*Табель* натуры, въ листѣ съ изобр.

„*Книга* Тоттъ, съ 78 картами, въ 4 (рѣдкая).

„*Нервотрепетномантія*, въ 4...

„*Толкованіе* на родимыя пятна, въ 4.“ и т. д.

Digitized by Google

Между другими записями далѣе находимъ:

„*Посольство* демонское на небо. 21 глава на 164 листахъ. Переводъ съ польскаго". Это, очевидно, тотъ памятникъ, изложеніе котораго сдѣлано было въ изданіи Общества любителей древней письменности г. Кирпичниковымъ: „Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго". Спб. 1894, № CIV.

Мистическіе вкусы Сулакадзева выразились еще въ особой замѣткѣ о значеніи сновъ. Сонники, какъ мы видѣли, казались ему книгами предрагоцѣнными и прелюбопытными. Въ его библіографическихъ замѣткахъ указано множество сонниковъ и всякаго рода гадательныхъ книгъ, отчасти по рукописямъ, а главнымъ образомъ по печатнымъ книгамъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, подобранныхъ отчасти по „Опыту россійской библіографіи" и по каталогу Плавильщикова, отчасти, безъ сомнѣнія, по собственному его собранію. Предвѣщательное значеніе сновъ онъ доказываетъ указаніемъ историческихъ фактовъ. Изъ приводимыхъ далѣе замѣтокъ видно, что этотъ вопросъ очень его занималъ:

„1395, августа 26. Тамерлапу сонъ растолкованъ" (ссылка на Исторію, Карамзина).

„IV вѣка. Прологъ, 20 февраля. Св. Садоку, епископу Салахскому, сонъ растолкованъ.

„О сповидѣніяхъ и о снѣ молятся въ Россіи св. девяти мученикамъ, иже въ Кизицѣ. 1. Ѳеогніа. 2. Руфа. 3. Антипатра. 4. Ѳеостиха. 5. Артемы. 6. Магна. 7. Ѳеодота. 8. Фавмасіа. 9. Филимона.

„29 Апрѣля. Прологъ и четьи-минеи.

„NB. Не могъ я отыскать, 1828 года, съ чего въ Россіи началось моленіе девяти мученикамъ *о сновидѣніяхъ*; въ житіи ихъ не видно ничего такого: онѣ скончались *въ третіемъ вѣкѣ*. Въ Россіи первой монастырь имъ построенъ *въ 1701 году*, отъ Казани въ $2^1/_2$ верстахъ" (ссылки на „Исторію россійской іерархіи" и „Абевегу русскихъ суевѣрій")...

„1265 лѣта: великій князь Ярославъ и Ксенія видѣли

Digitized by Google

во сне о могущемъ совершиться ихъ бракѣ, что и совершилось" (ссылка на Исторію Карамзина).

„337 по Р. Х. Николай Чудотворецъ, *во сне* являясь царю и градоначальнику, спасаетъ трехъ воеводъ отъ смерти (прологъ 9 маіа и 6 декабря).

„NB. Видимо, сны не все бываютъ какъ бредъ и пищевареніе".

Сулакадзевъ приводитъ еще толкованіе сновъ Іосифа Прекраснаго, пророка Даніила, патріарха Іакова, ссылаясь на Библію, Четьи-минеи и „Θеатронъ Стратемана". Въ спискахъ гадательныхъ и мистическихъ книгъ онъ дважды приводитъ книгу упомянутаго Θ. Каржавина: „Вѣдунъ новоявленный" (Спб. 1795). Въ этой литературѣ онъ приводитъ также переводныя книжки Михаила Попова, Щеголева и др.

II. Мотивы поддѣлокъ.

Намъ не встрѣтилось въ литературѣ біографическихъ свѣдѣній о Сулакадзевѣ, и мы только на основаніи его издѣлій можемъ дѣлать предположенія о томъ, что его влекло къ фальсификаціямъ.

Поддѣлка рукописей и вообще древнихъ памятниковъ имѣетъ свою исторію, которая иногда бывала не лишена серьезнаго литературнаго интереса. Съ одной стороны, поддѣлка рукописей бывала тѣмъ же, чѣмъ была издавна и до сихъ поръ поддѣлка антикварныхъ вещей и всякая другая фальсификація—желаніемъ эксплуатировать неопытныхъ любителей. Антикварныя поддѣлки до сихъ поръ въ большомъ ходу, потому что въ этой области много любителей и мало знатоковъ. Поддѣлки рукописей и литературныхъ памятниковъ становятся уже рѣдки, потому что достаточно изучены и разысканы подлинные памятники и поддѣлка не имѣетъ цѣли,—хотя еще въ пятидесятыхъ годахъ одинъ классикъ (впрочемъ, не вполнѣ ученый) изготовилъ цѣлые десятки комедій Менандра, былъ

Digitized by Google

поддѣланъ романъ Вальтеръ-Скотта и т. п.; но съ другой стороны, поддѣлка совершалась иногда совсѣмъ безкорыстно, такъ сказать, съ идеалистической цѣлью. Таковы знаменитыя произведенія Макферсона, которыя въ этомъ смыслѣ представляются типическими. Была эпоха смутныхъ исканій новаго литературнаго содержанія: среди господства извѣстной школы съ опредѣленными сухими и въ концѣ концовъ не удовлетворявшими формами, — каковъ былъ въ данномъ случаѣ псевдо-классицизмъ, — чувствовалась потребность въ свѣжей поэзіи, стремленіе дать право тому оригинальному первобытному преданію, котораго отголоски еще хранились въ народной памяти; старина уже привлекала вниманіе археологовъ, но когда этотъ инстинктъ захватывалъ дѣйствительнаго поэта, въ результатѣ являлись пѣсни Оссіана, и хотя уже вскорѣ подлинность этихъ пѣсенъ была подвергнута сомнѣнію, онѣ составили эпоху въ развитіи европейской литературы. Но если въ Оссіанѣ въ концѣ концовъ была однако народно-поэтическая основа, то была въ началѣ XIX столѣтія не менѣе грандіозная фальсификація, на этотъ разъ лишенная всякой подлинной основы, но имѣвшая огромный успѣхъ и только лѣтъ черезъ семьдесятъ окончательно доказанная. Это были знаменитые въ славянскихъ литературахъ и почти одновременно явившіеся „Любушинъ Судъ“ и „Краледворская рукопись“. Въ обоихъ случаяхъ поддѣлка была прикрыта такъ искусно, что авторы этихъ произведеній до сихъ поръ не могли быть опредѣлены. Въ обоихъ случаяхъ цѣль очевидна: было пламенное стремленіе послужить возникавшему тогда національному возрожденію чешскаго народа, поднять народное чувство напоминаніями о славномъ прошедшемъ, и для этого послѣдняго могли въ особенности дѣйствовать какія-нибудь поэтическія произведенія этой старины, — но ихъ не было, и онѣ были созданы фальсификаціей. Поддѣлка очевидно внушена была патріотической цѣлью и дѣйствительно имѣла чрезвычайный успѣхъ. Любушинъ Судъ явился памятникомъ

Digitized by Google

X вѣка и сталъ предметомъ великаго почтенія для энтузіастовъ древности во всѣхъ славянскихъ земляхъ, — въ немъ искали и находили не только первобытную поэзію, но и рѣдкое подлинное свидѣтельство о древнемъ славянскомъ бытѣ; Краледворская рукопись являлась замѣчательнымъ произведеніемъ XIII — XIV вѣка, свидѣтельствомъ высокаго поэтическаго развитія и памятникомъ борьбы старыхъ чеховъ за національное достоинство и свободу. Какъ мы сказали, сомнѣнія были заявлены давно, но только въ самое послѣднее время чешскимъ и другимъ ученымъ удалось вычеркнуть эти фальсификаты изъ исторіи древней чешской литературы, — при чемъ однако противникамъ „древнихъ памятниковъ“ привелось подвергаться обвиненіямъ въ измѣнѣ національному дѣлу, пока наконецъ научная очевидность взяла верхъ. Но если Любушинъ Судъ и Краледворская рукопись не были произведеніемъ древности, они были очень любопытнымъ произведеніемъ чешской поэзіи второго десятилѣтія нашего вѣка и вмѣстѣ отраженіемъ тѣхъ понятій о поэтической старинѣ, какія тогда господствовали. Это была археологическая романтика, гдѣ руководствомъ были частью свѣдѣнія о древнемъ славянскомъ бытѣ, какія можно было тогда найти въ старыхъ лѣтописяхъ и иныхъ памятникахъ древности, частью романтическія представленія о старой поэзіи, какія извлекались изъ Слова о полку Игоревѣ, русскихъ былинъ и сербскихъ народныхъ пѣсенъ, первый сборникъ которыхъ не задолго передъ тѣмъ былъ изданъ Вукомъ Караджичемъ и произвелъ тогда очень сильное впечатлѣніе. Поддѣльные памятники собственно въ литературномъ отношеніи были имитаціей предполагаемой старины, и имитаціей столь искусной, что она могла быть разгадана лишь послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій широкаго развитія науки. Въ русской литературѣ можно указать только одну фальсификацію съ подобнымъ характеромъ патріотической романтики и исполненную съ талантомъ, вызывавшимъ удивленіе Пушкина: это — знаменитая „Исторія Русовъ“, съ

Digitized by Google

именемъ бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго, которая увлекала малорусскихъ патріотовъ и между прочимъ вдохновляла Гоголя въ „Тарасѣ Бульбѣ".

Такимъ образомъ, поддѣлка рукописей и литературныхъ произведеній можетъ имѣть и весьма значительный историко-литературный интересъ. Понятно, что Бояновъ гимнъ есть нѣчто весьма грубое и элементарное, но онъ также не лишенъ интереса по своему происхожденію. Не знаемъ, какъ Сулакадзевъ пускалъ въ ходъ свои изобрѣтенія, но въ данномъ случаѣ не видно, чтобы онъ дѣлалъ Бояновъ гимнъ предметомъ торговли: онъ сообщалъ его желающимъ какъ любопытный памятникъ древности. Поддѣлки его совсѣмъ не похожи на другія, какія уже въ то время начинались. Въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ находится нѣсколько поддѣльныхъ рукописей, между прочимъ изъ извѣстной архангельской библіотеки кн. Д. М. Голицына: здѣсь есть Русская Правда, Уставъ Ярослава, Житіе Бориса и Глѣба, Заповѣди Никейскаго Собора. Для поддѣлки брался обыкновенно пергаменъ, почеркъ подражалъ старому уставу, писалось по старинному по разграфленнымъ линейкамъ; въ концѣ прибавлялось иногда послѣсловіе, которое должно было подтверждать древность рукописи,—но всякому, кто имѣлъ дѣло съ настоящими старыми рукописями, поддѣлка не можетъ не бросаться въ глаза: пергаменъ чистенькій, края обрѣзаны ровненько, иногда даже свѣжій переплетъ; самое письмо не умѣетъ схватить особенности стараго устава съ его опредѣленными чертами. Въ пятидесятыхъ годахъ мнѣ случилось видѣть у Срезневскаго подобную поддѣлку Слова о полку Игоревѣ: оно было написано также на пергаменѣ, но фальсификаторъ имѣлъ глупость склеить листы пергамена въ свитокъ, чего никогда не дѣлалось, съ очень ровно обрѣзанными краями... Нашъ фальсификаторъ былъ не таковъ. Онъ не гнался за какимъ-нибудь XII столѣтіемъ; его рукописи были перваго или второго вѣка, потомъ пятаго и minimum

Digitized by Google

десятаго столѣтія; онѣ вырѣзаны были на буковыхъ доскахъ (полагалось, вѣроятно, что букъ имѣетъ связь со словомъ буква) и доски были на кольцахъ, или рукописи писались на листкахъ пергамена, которые были сшиты струною (полагалось, вѣроятно, что нитки еще не существовали); онъ замѣчалъ иногда, что памятники написаны такъ, что было „претрудно читать"; они бывали „прерѣдкіе". Словомъ, древность, имъ самимъ сочиненная, была сверхъестественная. Въ одномъ листѣ онъ приводитъ заглавіе имѣвшейся у него книги, написанное рунами... Все это — конечно совершенный вздоръ; самыя творенія, кромѣ Боянова гимна, провѣщаній Новгородскихъ жрецовъ и „оповѣди" по исторіи Валаама, не появлялись и, можетъ быть, были только въ предположеніи; но остается не безъинтересный вопросъ объ историко-литературныхъ условіяхъ, дававшихъ возможность поддѣлки, и о психологіи фальсификатора. Едва ли сомнительно, что это былъ не столько поддѣльщикъ, гнавшійся за прибылью, или мистификаторъ, сколько фантазеръ, который обманывалъ и самого себя. Повидимому, въ своихъ издѣліяхъ онъ гнался прежде всего за собственной мечтой возстановить памятники, объ отсутствіи которыхъ сожалѣли историки и археологи; вывести на сцену самого Бояна, о которомъ лишь неясно говорило Слово о полку Игоревѣ; объяснить древнія событія, о которыхъ не осталось никакихъ свѣдѣній, какъ онъ хотѣлъ, напримѣръ, дать древнія извѣстія о Валаамѣ, и т. д. Древность представлялась Сулакадзеву въ таинственныхъ и фантастическихъ очертаніяхъ: безъ сомнѣнія, до него дошли творенія Оссіана; ему помнилось Слово о полку Игоревѣ; по его каталогу видно, что онъ рылся въ старыхъ книгахъ, зналъ по-латыни, умѣлъ, по крайней мѣрѣ, читать по-гречески. Главною чертой остается фантастическое представленіе о старинѣ, и поэтому его въ особенности поразила статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ которой такъ много было отраженій народной фантастики, и онъ уси-

Digitized by Google

ливается дополнить воображеніемъ, чего не зналъ и чего вообще тогда мало знали. Въ этомъ смыслѣ его фальсификаціи составляютъ черту времени, какъ и то, что въ нихъ повѣрилъ Державинъ. Это желаніе подкрасить старину, если не совсѣмъ поддѣлать ее, мы встрѣтимъ и позднѣе. Недостаточное знаніе подлинныхъ фактовъ развивало, съ одной стороны, довѣрчивость, а съ другой—большую смѣлость въ обращеніи съ предметами старины: была простодушная мысль, что если нѣтъ старины, то ее можно придумать, и другіе вѣрили такимъ выдумкамъ. Таковъ былъ нѣсколько позднѣе извѣстный Макаровъ; но таковъ же былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и очень извѣстный Сахаровъ.

III. Поддѣлки Макарова, Сахарова и др.

Современникомъ Сулакадзева былъ Бардинъ, который, повидимому, хотѣлъ именно промышлять своими поддѣлками. Между прочимъ едва ли не имъ изготовленъ былъ новый списокъ Слова о полку Игоревѣ, выдаваемый, конечно, за древній [1]).

Но Сулакадзевъ имѣлъ продолжателей и въ томъ направленіи, гдѣ онъ, какъ надобно думать, полунаивно хотѣлъ обмануть другихъ, обманывая и себя. Старина была еще слишкомъ мало извѣстна; между тѣмъ оказывалось все больше и больше ея любителей. Люди серьезнаго ума, съ научной критикой, видѣли одно средство, которое было и единственное,

---

[1]) По поводу предполагавшейся поддѣлки такъ называемаго „змѣевика“ г. Сперанскій замѣчаетъ: „Не лишнее припомнить, что всѣ наши поддѣлки далеко не отличаются искусствомъ и разсчитаны, ясно, на весьма мало опытныхъ покупателей; таковы, напр., извѣстныя мнѣ объ поддѣлки Слова о полку Игоревѣ (Бардина: одна—теперь въ Румянцовскомъ Музеѣ; другая, бывшая Максимовича, въ антикварной лавкѣ Шибанова); такова поддѣльная начальная лѣтопись (см. Описаніе рук Хлудова, А. И. Попова, стр. 91—92, первое прим.). „О змѣевикѣ съ семью отроками“, въ Археолог. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1893, № 2.

Digitized by Google

удовлетворить своей любознательности—точное изученіе самыхъ памятниковъ: они строго держались того, что было раскрыто, какъ вполнѣ удостовѣренный фактъ, и не считали позволительнымъ фантазировать о томъ, о чемъ не было никакихъ данныхъ. Эти люди, со временъ Герарда-Фридриха Миллера и Новикова и продолжая ученымъ кружкомъ канцлера Румянцова, полагали основаніе прочному изученію древней русской письменности. Но было не мало людей, у которыхъ не было ни серьезнаго ума, ни научной подготовки; любовь къ старинѣ вырождалась у нихъ въ фантазёрство, которое могло имѣть нѣкоторый успѣхъ только потому, что въ массѣ общества было еще слишкомъ мало людей, способныхъ къ научной критикѣ. Таковъ былъ извѣстный нѣкогда Мих. Ник. Макаровъ (1789—1847), усердно занимавшійся истолкованіемъ русской старины: обычая, преданій, языка, письменности. Онъ принималъ на себя видъ знатока, ему вѣрили иногда даже люди совсѣмъ серьезные: Бодянскій находилъ возможнымъ печатать въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей его „Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника“ (1846). Въ своихъ „Повѣстяхъ изъ русскихъ народныхъ преданій“, М. 1834, Макаровъ пересказывалъ старинную повѣсть: онъ утверждалъ, что нашелъ въ своихъ старыхъ бумагахъ эту повѣсть, „написанную весьма просто, но обезображенную рукою времени“ (?); онъ передаетъ и заглавіе мнимой старинной повѣсти [1]). Макаровъ былъ также „знатокъ“ литературы XVIII вѣка и т. п.; но настоящіе историки послѣ нѣсколькихъ провѣрокъ скоро убѣдились, что и здѣсь показанія Макарова не имѣютъ ни малѣйшей достовѣрности [2]).

Болѣе сложно, и для своего времени болѣе успѣшно,

---

[1]) „О томъ, что случилось и приключилось съ Маленою, дочерью дѣвицею Ивановою пана Тарновскаго, и о томъ, какъ онъ панъ Иванъ прощалъ ее, и какъ паны Поляки все еще были въ ненависти противу Руси“.

[2]) См. Тихонравова, разборъ книги Галахова въ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, 1878, стр. 37; въ моемъ „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей“ и проч., стр. 281.

Digitized by Google

т.-е. долго не вызывая разоблачений, занимался поддѣлками И. П. Сахаровъ, нѣкогда большой авторитетъ въ археологіи и этнографіи, въ другихъ отношеніяхъ дѣйствительно оказавшій наукѣ не малыя услуги. Біографія его еще не написана, и она, вѣроятно, объяснитъ въ Сахаровѣ эту смѣсь настоящихъ научныхъ инстинктовъ и фантазёрства, доходившаго до подлоговъ. Это былъ любитель, но въ полной мѣрѣ самоучка, не имѣвшій правильной научной подготовки, и, какъ всѣ самоучки, преувеличивавшій свои познанія. Первый успѣхъ его изданій окончательно вскружилъ ему голову: онъ вообразилъ себя авторитетомъ, и когда первые опыты собственныхъ подправокъ въ русской старинѣ прошли не замѣченными, онъ сталъ смѣлѣе и, наконецъ, сталъ прямо выдумывать. Онъ былъ великій почитатель старины, какъ самаго подлиннаго выраженія русской народности, ненавидѣлъ все иноземное; съ научной постановкой вопроса о народно-поэтической старинѣ онъ былъ совершенно незнакомъ, и, напримѣръ, его попытки говорить о древней русской миѳологіи, народныхъ преданіяхъ и т. под. представляютъ нѣчто крайне уродливое. Если въ сороковыхъ годахъ не указывали этой нескладицы, то вѣроятно, потому, что хотѣли щадить археолога, въ другихъ отношеніяхъ имѣвшаго свои заслуги: миѳологическія и другія объясненія русской старины, сдѣланныя Сахаровымъ, остались одиноко стоящею чепухой. Въ первое время, когда онъ издавалъ сборники пѣсенъ, сказокъ, старыхъ записокъ, путешествій и проч., при чемъ онъ съ великимъ пренебреженіемъ говорилъ, напримѣръ, о своихъ предшественникахъ по изданію пѣсенъ, укоряя ихъ въ подправкѣ текстовъ, никому не приходило въ голову усомниться въ точности его собственныхъ текстовъ: позднѣе оказалось однако, что онъ цѣликомъ бралъ пѣсни у предшественниковъ, которыхъ только-что осуждалъ — какъ будто именно для отвода глазъ [1]). Онъ ссылался на какую-то

[1]) Ср. въ „Исторіи р. этнографіи“. I, стр. 300—303.

Digitized by Google

старую рукопись, гдѣ заключались произведенія древней народной поэзіи („рукопись Бѣльскаго"), но взятое изъ этой мнимой рукописи оказывалось простою перепечаткой Кирши Данилова. Въ своемъ изданіи сказокъ рядомъ съ пересказами извѣстныхъ сюжетовъ о Добрынѣ Никитичѣ, Василіи Буслаевичѣ, Ильѣ Муромцѣ и проч., съ пересказами, окрашенными имъ самимъ въ мнимо-древнемъ стилѣ (который у Сахарова выходилъ обыкновенно растянуто-слащавымъ), — онъ прибавилъ еще сказку объ Акундинѣ. По словамъ его, она опять „взята изъ рукописи Бѣльскаго", и Сахаровъ прибавлялъ: „Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть замѣтки объ этомъ Акундинѣ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѳ. Н. Глинка: *Карелія*". Сказка, никогда раньше не извѣстная, имѣла нѣкоторый успѣхъ даже въ ученомъ кругу. Извѣстный историкъ, И. Д. Бѣляевъ, ввелъ ее въ исторію Новгорода, какъ объясненіе стараго новгородскаго обычая [1]). Впослѣдствіи оказалось однако, что сказка объ Акундинѣ составляетъ не что иное, какъ собственное сочиненіе Сахарова.

Ближайшее изученіе пѣсенъ, сказокъ, письменныхъ памятниковъ коснулось, наконецъ, тѣхъ самыхъ предметовъ старины, надъ которыми упражнялся Сахаровъ, и поставило внѣ сомнѣнія фактъ, что тексты Сахарова, не смотря на его утвержденіе въ ихъ точности, заслуживаютъ мало вѣроятія, а иногда были имъ просто сочинены. Таковы были многочисленныя разоблаченія П. И. Безсонова, который при изданіи пѣсенъ Кирѣевскаго встрѣтился со множествомъ текстовъ, гдѣ подправки Сахарова были очевидны. Безсоновъ прямо заявилъ, что Сахаровъ „поддался неблагодарной роли передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ говорилъ самъ народъ, однимъ словомъ, на частное лицо свое надѣвать маску,

[1]) Разсказы изъ русской исторіи. М. 1864.

Digitized by Google

снятую со всего великаго народа". Сахаровъ,—продолжаетъ Безсоновъ, — „доказалъ свою роль тысячью опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣлавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить *всѣ* напечатанные имъ памятники устнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя „Сказаній Русскаго народа" и „Русскихъ народныхъ сказокъ". Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья...., довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Исковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ — удлинялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой-нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго*, выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская - Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно, мы никогда не увидимъ." Перебравши подробно сказки изъ мнимой рукописи Бѣльскаго, Безсоновъ останавливается на сказкѣ объ Акундинѣ. „Рукопись Бѣльскаго,— говоритъ онъ,—„еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ Акундинѣ и князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пряный и уснащенный. Только лишь зачинается сказка, — „соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя"—тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губерпія. Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями: разсказывается,

Digitized by Google

какъ жили въ старину „не по нашему, по заморскому, а по своему православному", но народъ не описалъ бы такого православнаго житья: вставали, видите, утромъ рано и „кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада", — что за безобразіе! Потомъ созывали „слугъ вѣрныихъ на добры дѣла", — только *слуги* ихъ и дѣлали; „старики судъ рядили", „старыя старушки судили-рядили", — мужеско-женскія народоправства; „молодыя молодицы правили домкомъ", тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — „красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день", „старыя старушки сказки сказывали", — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угоняешься: мы остановимся на содержаніи". Онъ разъясняетъ, что сказка есть просто сочиненіе Сахарова, можетъ быть, съ прибавкой какихъ-нибудь отдѣльныхъ подробностей изъ народнаго преданія, и заключаетъ: „Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя; грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ разсчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но — и отрадно, какъ отрадепъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину, и полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведепій; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для сличенія поддѣлки" [1]). Кромѣ сказокъ, Безсонову привелось провѣрять Сахарова въ пѣсняхъ, и здѣсь оказалось тоже самое. Сахаровъ, если прямо не сочинялъ пѣсенъ, то старался подправлять ихъ въ томъ народномъ вкусѣ, какой ему казался самымъ настоящимъ и котораго какъ будто не было достаточно у самого народа.

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. 5. М. 1863. стр. CXXIV—CXLII.

Digitized by Google

Свои „источники“ онъ обыкновенно скрывалъ, потому, между прочимъ, что они, какъ рукопись Бѣльскаго, никогда не существовали [1]).

Изъ многочисленныхъ примѣровъ, указанныхъ Безсоновымъ, приводимъ одинъ. Въ старомъ Чулковскомъ и Новиковскомъ сборникѣ помѣщена извѣстная пѣсня, заключающая плачъ о ранней смерти:

„Ты рабинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла“ и т. д.

И въ концѣ:

„Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые!
Перестаньте дуть, васъ не надобно.
Потяните вы, вѣтры буйные,
Что со той стороны сѣверной!
Вы развѣйте мать сыру землю,
Вы раскройте гробову доску,
Вы пустите меня проститися
И въ послѣдній разъ поклонитися“.

У Сахарова, говоритъ Безсоновъ, „размалевка“ достигла окончательнаго изящества. Напримѣръ, послѣдніе стихи пѣсни получили слѣдующую форму:

„Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, *вы осенніе!*
Вы не дуйте *здѣсь*, васъ не надобно.
Прилетайте, вы вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки!
Вы развѣйте *здѣсь* мать сыру землю,
И, *разъѣзжіи* по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте *мнѣ* гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распр щатися съ моей милою,
Съ моей милою душой дѣвицею;
Окропивъ ее горючей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда!“ [2])

---

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. 7, стр. 80, 206—211, вып. 8, стр. 28, 68, 70—75, 78, 97, 132, 134 и т. д.

[2]) Тамъ же, вып. 8, стр. 342.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, въ подправкѣ, кромѣ другихъ нелѣпостей, осенніе вѣтры выходятъ теплыми и въ концѣ подбавлены чувствительныя фразы, совершенно невозможныя въ настоящей народной пѣснѣ.

Въ біографіи извѣстнаго П. М. Строева, составленной Н. П. Барсуковымъ, находимъ и другіе примѣры дѣятельности Сахарова и его манеры скрывать свои источники. Въ своей книгѣ „Русскіе древніе памятники“ (Спб. 1842) Сахаровъ воспользовался, между прочимъ, описаніемъ рукописей Воскресенскаго монастыря, которое составлено было Строевымъ, — но объ этомъ не упомянулъ. Въ бумагахъ Строева нашлась объ этомъ слѣдующая замѣтка: „Каталогъ Сахарова: Воскресенская Библіотека, *чистая* передѣлка моего каталога, который, вѣроятно, попался ему изъ Румянцевскаго музеума; я свѣрялъ и удостовѣрился въ этомъ. Слѣдовательно, знаменитый библіографъ *выдаетъ чужой трудъ за собственный*“ [1]).

Впослѣдствіи съ поддѣлками Сахарова встрѣтился А. А. Потебня и указалъ опять размалевку подлинныхъ пѣсенъ въ мнимо-древнемъ стилѣ [2]).

То же оказалось съ памятниками древней письменности, какіе издавалъ Сахаровъ. Съ его словъ историки упоминали старую книгу подъ названіемъ „Вождя по жизни“, одинаковаго содержанія съ Домостроемъ. Разбирая книгу Галахова, гдѣ былъ упомянутъ этотъ памятникъ, Тихонравовъ говорилъ: „Но кто видалъ рукописи *Вождя по жизни?* Кому онѣ извѣстны? Гдѣ скрывается этотъ таинственный источникъ Домостроя, это „старинное сочиненіе одинаковаго съ нимъ содержанія“? Мы не встрѣчали его ни въ одномъ изъ знаменитыхъ собраній древнихъ славяно-русскихъ рукописей; о немъ не упоминаетъ ни одинъ каталогъ, ни одно описаніе нашихъ рукописныхъ библіотекъ; о немъ молчитъ и послѣднее изслѣдованіе, посвященное вопросу о происхожденіи древне-

[1]) Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 38; ср. стр. 431.
[2]) Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. I, стр. 26, 391.

Digitized by Google

русскаго Домостроя, изслѣдованіе, можетъ быть, не удовлетворяющее читателя своими главными выводами, но довольно усердно подбиравшее, по неизданнымъ рукописямъ, все, что могло служить источникомъ Домострою. Можетъ быть, когда-нибудь дѣйствительно найдется *Вождь по жизни;* тогда оцѣнимъ его и внесемъ въ исторію словесности. Пока это — миѳъ“ [1]).

Въ изданіяхъ памятниковъ, напр., старыхъ хожденій къ святымъ мѣстамъ находимъ подобный пріемъ. У Сахарова, при этомъ, бывала иногда собственная рукопись того или другого хожденія, и какъ разъ въ этой рукописи, которой никто другой не видалъ, оказывались подробности, другимъ текстамъ неизвѣстныя. Такъ въ хожденіи Стефана Новгородца находится любопытное свѣдѣніе о томъ, какъ Стефанъ встрѣтилъ въ Царьградѣ своихъ новгородцевъ, которые занимались списываніемъ книгъ въ Студійскомъ монастырѣ. Извѣстіе нашлось только въ рукописи Сахарова, но затѣмъ критика не усомнилась признать эту вставку „сочиненіемъ новѣйшаго времени“. Или, Сахаровъ печаталъ Хожденіе чернаго дьякона Іоны Маленькаго по собственной рукописи, которая „почти во всемъ сходна“ съ прежнимъ изданіемъ Коркунова, но „имѣетъ окончаніе, котораго недостаетъ въ двухъ спискахъ, бывшихъ у Коркунова“: новѣйшіе изслѣдователи, архим. Леонидъ и С. О. Долговъ, нашли, что „окончаніе“ сочинено было самимъ Сахаровымъ, и самое его изданіе есть просто перепечатка, потому что повторяетъ случайныя особенности и самыя типографскія ошибки изданія Коркунова [2]).

---

[1]) Въ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, 1878, стр. 37. Но „Вождя“ упоминалъ еще Буслаевъ: „Историческіе очерки русской нар. словесности и искусства“. Спб. 1861, I, стр. 473.

[2]) О хожденіи Стефана Новгородца см. у Соболевскаго, Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. Спб. 1894, стр. 11; о хожденіи Іоны Маленькаго, арх. Леонидъ, въ „Чтеніяхъ“ моск. Общ. ист. и др. 1871, кн. I: „Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ“ и пр.; С. О. Долговъ, въ изданіи хожденія Іоны, „Палестинскій Сборникъ“, вып. 42. Спб. 1895.

Digitized by Google

Во всѣхъ этихъ поддѣлкахъ Сахаровъ очевидно руководился внушеніями своеобразно понимаемаго патріотизма. Онъ всегда стоялъ горой за старину: она была для него идеаломъ чисто національнаго патріархальнаго совершенства, идеаломъ, которымъ перестали дорожить легкомысленные потомки, позволяя ненавистнымъ иноземцамъ заглушать этотъ идеалъ ихъ зловреднымъ вліяніемъ. Поэтому его подправки — всегда прикрасы, и въ пѣсняхъ — обыкновенно въ мнимо-архаическомъ и чувствительномъ родѣ. Въ поддѣлкахъ, указывающихъ его собственный литературный вкусъ, онъ выработалъ себѣ особенный стиль въ тонѣ какого-то причитанія, тягучій и слащавый и крайне непріятный своею видимою ложью. Никто никогда не слыхалъ въ народныхъ пѣсняхъ и не читалъ въ старыхъ памятникахъ ничего подобнаго тому, что находимъ, напримѣръ, въ началѣ упомянутой сказки объ Акундинѣ [1]).

Но если было здѣсь полунаивное благое намѣреніе внушить своимъ согражданамъ любовь къ завѣтамъ предковъ, то, съ другой стороны, было совсѣмъ не благое въ тѣхъ средствахъ, какія употреблялъ Сахаровъ. Онъ предпринималъ поддѣлки сознательныя, ссылался на несуществующія рукописи.

---

[1]) Вотъ это начало:

„Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса не мудрыя, какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, народъ все православный! Живали старики не по нашему, не по нашему, по заморскому, а по своему, православному. А житье-то, а житье-то было все привольное, да раздольное. Вставали рапымъ-раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой, со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали; старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодыя молодицы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили, рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того“.

Digitized by Google

Подобное стремленіе прикрашивать старину или сочинять въ мнимо-древнемъ духѣ памятники, какихъ въ ней не было, между прочимъ, свидѣтельствовало о несовершенствѣ самой науки и всего чаще о малой компетентности сочинителей. Въ самомъ дѣлѣ, въ тридцатыхъ годахъ и въ началѣ сороковыхъ поддѣлки Сахарова не замѣчались; потомъ онѣ бросаются въ глаза и были бы совсѣмъ невозможны.

Но на Сахаровѣ поддѣлки еще не кончились. Въ Новгородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. (№ 41, 42, 47) напечатана была будто бы по старинному подлиннику „Рукопись старицы игуменьи Маріи, урожденной княгини Одоевской". Это дневникъ русской боярышни XV — XVI вѣка, жившей въ Новгородѣ въ эпоху его паденія: дневникъ описываетъ жизнь боярской дочери въ домѣ ея отца, вводитъ читателя не только въ домашній бытъ, но и въ среду политическихъ событій того времени, иногда онъ удачно рисуетъ положеніе русской женщины съ ея ролью въ семействѣ, съ ея чувствами и любовью, обставляетъ все это мелкими подробностями старинной жизни. Словомъ, дневникъ казался драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ литературы, въ которой до тѣхъ поръ не находили ничего подобнаго; это была вмѣстѣ и прекрасная старинная повѣсть. Но мистификація скоро открылась. Погодинъ обнаружилъ промахи новѣйшаго сочинителя, который смѣшалъ Іоанна III съ Іоанномъ IV, упоминалъ русскую печатную книгу за пятьдесятъ лѣтъ до ея перваго появленія, перепуталъ названія старинныхъ чиновъ и должностей. Внѣшность описанной издателемъ рукописи также выказала подлогъ сочиненія: рукопись названа харатейною и — склеенною столбцами, что дѣлалось, какъ извѣстно, только съ столбцами бумажными: притомъ харатья въ XVI столѣтіи есть излишняя роскошь, потому что тогда уже вошли въ общее употребленіе не только бомбицинъ, но и простая тряпичная бумага. Погодинъ перепечаталъ и самую повѣсть, въ переводѣ на нынѣшній языкъ, чтобы сдѣлать свои опровер-

Digitized by Google

женія несомнѣнными [1]). Прибавимъ, что и преднамѣренная неправильность книжнаго языка повѣсти въ той же мѣрѣ не удалась автору. Любопытно, между прочимъ, что поддѣлка очень заинтересовала И. С. Аксакова, который былъ не совсѣмъ увѣренъ въ фальсификаціи. Онъ тогда же писалъ отцу: „Погодинъ доказываетъ, что это мистификація. Мнѣ самому это кажется. *Если же нѣтъ*, то это вещь предрагоцѣнная. Хочется мнѣ знать мнѣніе Константина объ этомъ предметѣ. Тутъ и война Іоанна III съ Новгородомъ. Непремѣнно достаньте“ [2]). Авторомъ мнимаго сказанія XVI вѣка оказался новѣйшій человѣкъ, нѣкто Руфъ Игнатьевъ.

Въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ произведено было еще нѣсколько поддѣлокъ; между прочимъ онѣ направлены были на народную поэзію. Еще раньше, въ тридцатыхъ годахъ, явились опыты фальсификаціи малорусскихъ думъ, которыя нашли мѣсто въ „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго и долго пользовались полнымъ довѣріемъ; Буслаевъ вводилъ ихъ въ свои изслѣдованія. Изъ поддѣлокъ новѣйшихъ укажемъ двѣ, которыя ввели въ заблужденіе даже изслѣдователей, въ свое время весьма авторитетныхъ. Костомаровъ, занявшись собраніемъ пѣсенъ въ Саратовскомъ краѣ, поддался мистификаціи и напечаталъ [3]) мнимо древнюю былину („Лукоянъ Берендѣевичъ“), новѣйшій авторъ которой, кажется, имѣлъ въ виду только шутку. Кулишъ въ „Запискахъ о южной Руси“ повѣрилъ въ мнимо старинную думу, заключавшую сказаніе о древнемъ языческомъ божествѣ и доставленную любителемъ малорусской этнографіи, Шишацкимъ-Иличемъ.

---

[1]) Москвит. 1850. № 3, смѣсь, стр. 29—61. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XI. Спб. 1897, стр. 190—192.

[2]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. М. 1888. II, стр. 292—293.

[3]) Саратовскія губ. Вѣдомости, 1853. Внушали сомнѣніе и нѣкоторыя пѣсни въ сборникѣ изъ той же мѣстности, который былъ изданъ Костомаровымъ въ „Лѣтописяхъ“ Тихонравова.

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02735 9754

Digitized by Google

Digitized by Google